

ОСОБЕННОСТИ ФЕОДАЛИЗМА В ВИЗАНТИИ

З. В. Удальцова, К. А. Осипова

В последнее время в византиноведческой науке пробивает себе дорогу идея изучения специфических особенностей феодального строя Византии в типологическом аспекте¹. Советские византилисты исследуют проблему типологии феодального строя в Византии отнюдь не с целью создания какой-либо особой модели «византийского феодализма» или коллекционирования второстепенных отличий феодального общества империи. Главная задача, стоящая перед ними, — выяснить общее и особенное в феодальных отношениях в Византии, установить, как проявлялись основные закономерности развития феодальной формации на византийской почве и какие отличительные черты феодального строя существовали здесь по сравнению с другими регионами мира, в частности с Западной Европой и странами Востока.

Теоретическое осмысление в типологическом аспекте динамики феодального общества Западной Европы и Руси уже привлекло внимание многих советских медиевистов — академиков С. Д. Сказкина и Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, А. П. Новосельцева, Б. Ф. Поршнева, А. И. Неусыхина, А. Д. Люблинской, Е. В. Гутновой, М. Я. Сюзюмова, Г. Л. Курбатова и других². Значительное место в этих исследованиях отводится также и Византии.

В современной буржуазной науке Запада Византия рассматривается как особая «типологическая модель». Наличие бросающихся в глаза отличительных черт общественных отношений Византии от других стран средневекового мира породило в зарубежной науке во многом иллюзор-

¹ К. В. Хвостова. Аграрно-правовые отношения в Византии XIII—XV вв. «История Византии». Т. III. М. 1967; ее же. Особенности аграрно-правовых отношений в поздней Византии XIV—XV вв. М. 1968; З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии. «Византийские очерки». М. 1971; ее же. Проблема генезиса и типологии феодализма на международных конгрессах историков и экономистов в Москве и Ленинграде (1970 г.). «Вестник общественных наук АН АрмССР», 1971, № 3; ее же. Генезис и типология феодализма. «Средние века», Вып. 34, 1971; М. Я. Сюзюмов. Дофеодальный период. «Античная древность и средние века». Вып. 8. Свердловск. 1972; его же. Некоторые проблемы исторического развития Византии и Запада. «Византийский временник». Вып. 35, 1974.

² С. Д. Сказкин. Очерки по истории западноевропейского крестьянства в средние века. М. 1968; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. 1972; Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М. 1964; А. И. Неусыхин. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к феодализму. «Вопросы истории», 1967, № 1; А. Д. Люблинская. Типология раннего феодализма в Западной Европе и проблема романо-германского синтеза. Доклад и его обсуждение на сессии «Итоги и задачи изучения генезиса феодализма в Западной Европе». «Средние века», Вып. 31, 1968; З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы. Доклад на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве. М. 1970; Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.), Л. 1962.

ное представление о какой-то особой исключительности Византийской империи. Частное, специфическое заслоняло иногда общее, закономерное в социально-экономическом развитии Византии. Логическим завершением гипертрофирования специфики общественного строя империи явилось отрицание, полное или частичное, существования феодализма в Византии. Преувеличивая своеобразие, зачастую чисто внешнее, общественных отношений империи, некоторые ученые трактовали Византию как страну, якобы не знавшую феодализма. По вопросу о наличии или отсутствии феодализма в Византии, как известно, велись острые дискуссии на международных конгрессах византинистов; ученые многих стран разделились на сторонников и противников признания феодализма в Византии, на «феодалистов» и «антифеодалистов»³.

Суть расхождения между сторонниками наличия феодального строя в Византии, к числу которых принадлежат советские византинисты, историки стран социалистического содружества и прогрессивные историки Запада, и противниками концепции феодального развития Византии состоит в трактовке самого понятия «феодализм». Советские ученые понимают под термином «феодализм» особую общественно-экономическую формацию, социально-экономическим базисом которой является феодальный способ производства с присущей ему системой эксплуатации непосредственных производителей господствующим классом. Феодальный способ производства определяет характер всей политической, правовой и идеологической надстройки общества, но и сам подвергается с ее стороны постоянному воздействию. Если для многих буржуазных ученых феодализм — совокупность определенных политических институтов (сочетание вассалитета и бенефиция), наличие феодальной иерархии и личностных связей, соединяющих правовыми и морально-этическими узами сеньора и вассала, то для историков-марксистов феодализм — прежде всего определенная стадия развития производительных сил общества, связанная с преобладанием аграрной и натурально-хозяйственной экономики, господством крупной земельной собственности, основанной на эксплуатации крестьянства, которое находится в личной и поземельной зависимости от землевладельцев.

Некоторые зарубежные ученые, отрицая наличие в Византии феодальных отношений, исходят в первую очередь из вторичных признаков феодализма: отсутствия в Византии развитой феодальной иерархии, вассалитета и прочных личностных связей между вассалом и сеньором⁴. Другие зарубежные исследователи, хотя и признают наличие там феодального строя, видят в Византии наиболее яркий пример резкого отклонения от общепринятого эталона феодального общества — классической модели западноевропейского феодализма⁵. Некоторые исследователи изображают в гипертрофированном виде роль византийского государства, рисуя его чуть ли не восточной деспотией, преувеличивают развитие в Византии государственной собственности на землю, государственных форм эксплуатации крестьян и централизованной ренты — на-

³ См. А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959). «Византийский временник». Вып. XXII, 1963; З. В. Удальцова. XII Международный конгресс византинистов в Охриде. Там же; K. Watanabe. Problèmes de la «feodalité» byzantine. — Une mise au point sur les diverses discussions. «Hitotsubashi. Journal of Arts and Sciences», 1965, vol. 5.

⁴ P. Lemerle. Esquisse pour une histoire agraire de Byzance: les sources et les problèmes. «Revue historique», t. 219, 1958; t. 220, 1958; e j u s d. Recherches sur le régime agraire à Byzance: la terre militaire à l'époque des Comnènes. «Cahiers de civilisation médiévale». 1959, vol. 2; e j u s d. Prolegomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. «Mémoires. Académie royale du Belgique, Classe des Lettres», 1960, № 54; L. P. Raybaud. Le Gouvernement et l'administration centrale de l'empire byzantin sous les premiers Paléologues. P. 1968.

⁵ K. Watanabe. Op. cit., pp. 32—40.

лога⁶. Господствующий класс Византии трактуется не как класс феодалов, материальное благополучие и политическое влияние которого зиждется на феодальной поземельной собственности и эксплуатации зависимого крестьянства, но как служилый класс, представляющий различные звенья государственного бюрократического аппарата⁷. Сторонники этой концепции преуменьшают развитие феодальной собственности в Византии и сеньориальных форм эксплуатации. В связи с этим на первый план среди типологических отличий византийского общества выдвигаются такие негативные черты, как отсутствие развитой феодальной иерархии, полной кристаллизации вассалитета, феодальных дружин⁸.

Порою воздвигается непроходимая грань между Византией и Западом, Византия сближается со странами Востока. Сравнительно недавно в зарубежной науке была выдвинута гипотеза о том, что Византия являлась страной, где якобы господствовали общественные отношения, близкие к азиатскому способу производства. Эта теория, однако, подверглась резкой критике со стороны прогрессивных византинистов Запада⁹. Иногда проводятся малоубедительные аналогии между общественным строем Византии и средневекового Китая¹⁰. Большинство буржуазных исследователей не признают даже с оговорками подобное сближение Византии с Востоком. Наоборот, многие из них расценивают византийский общественный строй как прямое продолжение античных социальных и экономических порядков, а Византию — как единственную наследницу поздней Римской империи¹¹. Тем самым Византия отдалается от Востока и сближается с западным миром¹².

Большое распространение в западноевропейской медиевистике и византинистике последних лет получила теория, согласно которой Византия является примером континуитета греко-римских начал в средневековом мире. Непризнание наличия феодализма в Византии связывается у некоторых буржуазных ученых с представлением о непрерывном существовании в Византии свободной мелкой крестьянской собственности — опоры императорской власти и централизованного государства, а также об извечном господстве римской частной собственности и римского права во всех сферах общественной жизни империи¹³. Отрицается какая-

⁶ Так, Дж. Дэнструп рассматривает феодализм как политическую надстройку децентрализованного государства, которая приводит к распаду государственного организма. В Византии сохраняется сильная государственная централизация и государственная собственность, что препятствует, по мнению Дэнструпа, утверждению феодализма в империи. J. Danstrup. *The State and Landed Property in Byzantium to c. 1250*. «Classica et Mediaevalia». Vol. 8. 1946.

⁷ H. Glykatzis-Ahrweiler. *Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe—XIe siècles*. «Bulletin de correspondance hellénique», vol. 84, 1960.

⁸ H. G. Beck. *Byzantinisches Gefolgschaftswesen*. «Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften». 1965. Heft 5.

⁹ H. Antoniadis-Bibicou. *Byzance et le mode de production asiatique*. «La Pensée», № 129, 1966.

¹⁰ Подобная точка зрения была высказана американским профессором К. В. Холлстером на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве. З. В. Удальцова. *Генезис и типология феодализма*, стр. 19. Ср. K. Watanabe. *Op. cit.*, p. 32.

¹¹ P. Lemerle. *La notion de décadence à propos de l'Empire byzantin*.— *Classicisme et déclin culturel dans l'Islam*. P. 1957, pp. 268, 270.

¹² Д. Закитинос отмечает общность путей развития Византии и Запада, подчеркивая, что Византия принадлежит к европейскому сообществу, а арабы и славяне якобы противостоят европейскому миру. D. A. Zakythinos. *Byzanz und die europäische Einheit im Mittelalter*. «Internationales Jahrbuch für Geschichtsunterricht». Bd. 4. 1955.

¹³ N. G. Svoronos. *Recherches sur le cadastre byzantin et la fiscalité aux XIe et XIIe siècles: le cadastre de Thèbes*. «Bulletin de correspondance hellénique», № 83, 1959; e j u s d. *Société et organisation intérieure dans l'empire byzantin au XVe s.; les principaux problèmes*. «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». L. 1967; I. Karayannopoulos. *Peu. na: G. Ostrogorskij. Quelques problèmes de la paysannerie byzantine*. «Bizantinische Zeitschrift», № 50, 1957.

либо цезура между позднеантичным обществом и средневековой Византией и подчеркивается идея континуитета как в области аграрных отношений, так и в развитии городов и культуры. Византия в представлении этих исследователей выглядит как островок греко-римской цивилизации, в течение всего средневековья противостоящий варварскому феодальному миру. Большинство сторонников теории континуитета, понимая под феодализмом совокупность политических и правовых отношений и связывая его с децентрализацией и рассеянием суверенитета, делает из этого вывод, что феодализм был лишь западноевропейским феноменом. В Византии же, где непрерывно продолжали существовать основные институты поздней Римской империи — императорская власть, частная собственность на землю, римское право и греко-римская образованность, феодализм или совсем не развился, или был привнесен извне, из Западной Европы в период латинского завоевания империи¹⁴.

Видоизменением теории континуитета в известном смысле является концепция автохтонного развития Византии. Некоторые буржуазные исследователи, признавая наличие феодализма в Византии, выводят общественный строй Византии непосредственно из рабовладельческого общества поздней Римской империи, отрицая значение каких-либо внешних влияний, в частности варварских завоеваний и вторжений на территорию империи иноземных племен и народов (славян, армян, арабов и других). Вся социально-экономическая история Византии рисуется как процесс длительной трансформации рабовладельческого строя, которому сопутствует крайне замедленное изживание рабовладения, сохранение античных городов-полисов как оплота рабовладельческих отношений, господство сильного централизованного государства и бюрократии, по преимуществу служилый характер господствующего класса. Социальный строй Византии при этом иногда сближается с общественными отношениями средневековой Японии, где феодализм вырос без внешних влияний, непосредственно из рабовладельческого общества, существовавшего там в чистом виде¹⁵. Сторонники и теории континуитета и автохтонного развития Византии, естественно, отрицают правомерность концепции синтеза социального строя Византийской империи и общественных отношений варваров в период генезиса феодализма¹⁶.

Альтернатива — Запад или Восток, — искусственно созданная для Византии в буржуазной науке, постепенно теряет своих сторонников. Все сильнее звучат трезвые голоса, доказывающие, что концепции сближения или противопоставления Византии Западу или Востоку отнюдь не взаимоисключают, а, наоборот, дополняют друг друга. Не восточный или западный путь развития Византии, а изучение общего и особенного в исторических судьбах империи по сравнению со странами как Западной Европы, так и азиатского Востока — вот идея, все более и более завоевывающая умы исследователей.

Советские историки (при наличии известных расхождений по частным

¹⁴ Ф. Дельгер по вопросу о феодализме занимает промежуточную позицию, считая, что феодализм в Византию был привнесен с Запада крестоносцами, хотя до этого в империи уже возникли условия, способствовавшие восприятию феодальных порядков, в частности складывалось крупное землевладение. F. Dölger. Die Kreuzfahrstaaten auf dem Balkan und Byzanz. «Südost-Forschungen». Bd. 25, 1956, S. 151 f.; e j u s d. Byzanz und das Abendland von der Kreuzzüge. «Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienza Storiche» (Roma, 4—11 Sett. 1955), T. III: Storia del Medioevo. Firenze, 1956. Впрочем, в своих последующих работах Дельгер все более склоняется к признанию феодализма в империи. F. Dölger. Der Feudalismus in Byzanz (Vortrag, Okt. 1956). «Studien zum mittelalterlichen Lebenswesen. Vorträge und Forschungen». N. V. Zindau und Konstanz, 1960. Д. Закиннос также допускает, что феодализм в Византию мог быть занесен с Запада. D. A. Zakynthinos. Op. cit., S. 10 f.

¹⁵ K. Watanabe. Op. cit., vol. 5, pp. 32—33; vol. 6, pp. 8—24.

¹⁶ Теория синтеза применительно к Византии изложена в статье З. В. Удальцовой. К вопросу о генезисе феодализма в Византии.

вопросам) единодушны в признании феодального характера развития Византии. Эта концепция завоевывает все большее число приверженцев в зарубежных странах, особенно среди ученых социалистических государств. Советскими византинистами и учеными стран социалистического содружества немало сделано для выяснения специфики византийского феодализма, его генезиса и развития. Чрезвычайно велик вклад в разработку проблемы феодализма в Византии одного из выдающихся византинистов современности, Г. А. Острогорского. Много лет изучая эту проблему, он не ограничился рассмотрением каких-либо отдельных политико-юридических институтов, а обратился к исследованию кардинальных вопросов, таких, как формы условной феодальной собственности, прониа и иммунитет в Византии, судьбы византийской общины, история византийского крестьянства¹⁷. В советском византиноведении феодализм в Византии трактуется не как совершенно особая модель, а как определенный вариант, имеющий аналогии и в южноевропейском регионе, и в Юго-Восточной Европе, и в странах Востока¹⁸. В настоящей статье мы попытаемся изложить нашу точку зрения по вопросу о типологических особенностях общественного строя Византии в эпоху развитого феодализма.

Своеобразие византийского феодализма во многом определялось его генезисом. Византия пошла по тому пути развития феодализма, когда феодальный строй утверждался на основе синтеза феодальных элементов, вызревавших в недрах рабовладельческой формации, с феодальными отношениями, складывающимися у варварских народов, однако с явным превалированием античных начал, в частности институтов, унаследованных от поздней Римской империи. Наиболее четко этот путь развития прослеживается наряду с Византией также в Италии, Южной Галлии, вестготской Испании и романизированной Северной Африке. Для периода генезиса феодализма в Византии, как и в других странах Европы, одним из важнейших критериев типологизации, по-видимому, можно считать наличие или отсутствие синтеза, степень его интенсивности и соотношение в нем «протофеодальных» элементов, вызревавших в позднеантичном и варварском обществах¹⁹. Эти типологические особенности, возникшие в раннефеодальный период, наложили отпечаток на категории феодального общества и в эпоху развитого феодализма. Вместе с тем в более позднее время появились и новые факторы, влиявшие на характер феодализма в Византии, как и в странах Западной Европы.

Географическое положение Византии, раскинувшей в эту эпоху свои владения на двух континентах — в Европе и в Азии — сделало империю

¹⁷ Г. Острогорский. Пронија. Прилог историји феодализма у Византији и у јужнословенским земљама. Београд. 1951 (G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine. Bruxelles. 1954); e jus d. Die Pronoia unter den Komnenen. «Зборник радова. Византолошки институт» XII, 1970; его же. К истории иммунитета в Византии. «Византийский временник». Вып. XIII, 1958; его же. Византийска сеоска општина «ГЛАС САН», т. 250. Кн. 10. Отдельна друштвених наука САН Београд. 1961; e jus d. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine. Bruxelles. 1956.

¹⁸ М. Я. Сюзюмов. К вопросу об особенностях генезиса и развития феодализма в Византии. «Византийский временник». Вып. XVII, 1960; его же. Некоторые проблемы истории Византии. «Вопросы истории», 1959, № 3; Е. Э. Липшиц. Об основных спорных вопросах истории ранневизантийского феодализма. «Вопросы истории», 1961, № 6; ее же. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века. М. 1961; А. П. Каждан. Деревня и город в Византии. IX—X вв. М. 1960; З. В. Удальцова, А. П. Каждан. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. «Вопросы истории», 1958, № 10.

¹⁹ См. З. В. Удальцова, Е. В. Гутнова. Генезис феодализма в странах Европы, стр. 7—14; З. В. Удальцова. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, стр. 10.

как бы средоточением между Востоком и Западом. Но Византия пошла своим историческим путем, во многом отличным от судеб как азиатского Востока, так и европейского Запада. В аграрном строе Византийской империи, однако, присутствовало немало черт сходства и различия по сравнению и со странами Запада и с государствами Востока.

В состав Византийской империи входили области с разнообразными природно-климатическими условиями. Мягкий средиземноморский, местами субтропический климат прибрежных районов постепенно переходил в континентальный климат внутренних областей с жарким и порою засушливым летом и холодной, снежной зимой. Горный рельеф Греции, Малой Азии, части Македонии сменялся равнинными пространствами Фракии и Фессалии. Природно-климатические условия определяли отличия в хозяйственном облике отдельных частей империи. Преобладали, однако, изрезанные горами местности с малоплодородными почвами, где природные условия обуславливали хозяйственную замкнутость отдельных районов и распространение мелкого крестьянского хозяйства. Обилие островов, порою небольших, также благоприятствовало появлению парцеллярного хозяйства. Ведение крупного домениального хозяйства на подобных землях было нерентабельным. Наряду с зерновыми культурами (пшеница, ячмень) большое распространение имели виноградики и оливковые плантации. На плоскогорьях и высокогорных лугах Балкан и Малой Азии было развито скотоводство. С потерей Египта житницами Византии стали Фракия, плодородные речные долины Македонии и Фессалии. Здесь в большей степени, чем в гористых областях, природные условия способствовали концентрации земли в руках крупных землевладельцев и ведению домениального хозяйства. Ведь недаром в поздней Византии именно в Фессалии и в части Македонии были расположены имения богатых феодалов — влâстелей и домены императора.

Итак, природные условия средневековой Византии отнюдь не стимулировали развитие здесь обществ азиатского типа с ирригационным хозяйством в долинах великих рек и ведомством общественных работ, находившимися в руках государства. Все, о чем говорилось выше, сближает Византию скорее с другими европейскими странами Средиземноморья, и в особенности с Италией, чем с государствами азиатского Востока.

В период развитого феодализма (X—XV вв.), несмотря на территориальные потери, Византия оставалась еще одной из могущественных держав Средиземноморского бассейна. Однако демографические и этнические сдвиги, происшедшие в Византии к этому времени, были чрезвычайно существенны и отразились на дальнейшем ходе исторического развития Византийского государства. Из огромной этнически крайне неоднородной империи, в состав которой входило множество различных племен и народов, Византия стала по преимуществу греческим, а с XI—XII вв. греко-славянским государством. Этнические различия внутри государства хотя, естественно, полностью не исчезли, но весьма отчетливо сглаживались, а преобладание греческого элемента становилось все более и более ощутимым. Значительно сократилась общая численность населения империи.

Важной типологической особенностью феодализма в большинстве регионов Западной Европы, как известно, было господство крупного частного землевладения вотчинного типа, условный характер поземельной собственности и ее разветвленная иерархическая структура. В Византии же в связи со спецификой генезиса феодализма характерной особенностью общественного развития было длительное сосуществование таких форм земельной собственности, как безусловная частная собственность на землю, генетически восходящая к позднеримским аграрно-правовым отношениям, государственная поземельная собственность и

собственность мелких крестьян-общинников²⁰. Эти три вида земельной собственности были исходным моментом для формирования феодальной вотчины, наложив значительный отпечаток на развитие последней. Аграрный строй Византии во многом определялся борьбой частнособственных тенденций, общинных традиций и государственных форм землевладения. При этом континуитет в сфере землевладения наблюдался здесь в значительно большей степени, чем в странах Западной Европы²¹.

Первый тип безусловной частной собственности кристаллизовался как в крупном землевладении, так и в хозяйстве свободных крестьян. В Византии на всех этапах ее истории имела распространение купля-продажа земли (частновладельческой, городской, государственной и даже общинной) с передачей собственнику верховного права и титула собственности. Права собственников на землю охранялись римскими юридическими нормами, никогда не терявшими в Византии силы закона. В разные периоды византийской истории, естественно, масштабы частной собственности на землю то сокращались, то возрастали; менялись, разумеется, и характер ее использования, и формы эксплуатации зависимого населения. Но самый факт наличия в Византии наряду с государственными и общинными землями развитой системы частной собственности на землю не подлежит сомнению.

Очень сложным является вопрос о государственной собственности на землю в Византии. Этот вопрос породил в византиноведении оживленные споры, которые не утихают и по сей день²². На современном уровне развития науки можно высказать некоторые соображения по этой далеко не решенной проблеме. Прежде всего нельзя проводить прямых аналогий между государственной властью и государственной собственностью в Византии и в странах Востока. Государственная собственность на землю в Византии отнюдь не была точной копией, каким-то сколком государственной поземельной собственности, распространенной на Востоке. В странах Востока государь всегда (или почти всегда) был не только верховным правителем, неограниченным властелином, но и верховным собственником всей территории страны. Главным (а порою и непременным) условием существования государственной собственности на Востоке было одновременное отсутствие (или крайняя слабость) частной собственности на землю. Недаром К. Маркс писал о том, что отсутствие частной собственности на землю — «вот настоящий ключ даже к восточному небу»²³. К. Маркс подчеркивал при этом, что в азиатских государствах не существует никакой частной земельной собственности, хотя наличествует как частное, так и общинное владение и пользование землей²⁴.

Государственная же власть в Византии не имела патримониального характера. Верховное право собственности государя на все земли подданных не зафиксировано в источниках. Фонд государственных земель в Византии состоял преимущественно из владений фиска (в состав которых входили заброшенные земли и участки, конфискованные и пе-

²⁰ К. В. Хвостова. Аграрно-правовые отношения в Византии XIII—XV вв., стр. 97 сл.

²¹ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону. «Византийский временник». Вып. X, 1956; его же. Борьба за пути развития феодальных отношений в Византии. «Византийские очерки». М. 1961.

²² З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет. М. 1969, стр. 180—195; ее же. К вопросу о генезисе феодализма в Византии, стр. 21—23; А. П. Каждан. Византийская деревня VII—XV вв. в освещении западноевропейской и американской историографии (1917—1959), стр. 170—195; Г. Г. Литаврин. Проблема государственной собственности в Византии X—XI вв. «Византийский временник». Вып. 35, 1973.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., Т. 28, стр. 215.

²⁴ См. там же, стр. 221.

реданные в казну), а также из императорских доменов²⁵. Размеры фонда государственных земель в разные периоды истории Византии резко изменялись. Государственные владения сравнительно редко представляли собой сплошные земельные массивы; чаще всего они располагались чересполосно среди имений крупных собственников, монастырей и крестьянских наделов. Они сохранялись на протяжении всего существования Византии, но никогда не охватывали всю территорию Византийского государства. Государственная власть в Византии не могла неограниченно распоряжаться землями своих подданных. Поэтому византийские императоры раздавали в виде пожалований в первую очередь казенные земли, населенные государственными париками, земли императорских доменов, пустоши, которые разрешалось заселять пришлыми людьми. На коронных и государственных землях возникали владения церквей, монастырей и благотворительных учреждений, переданные им в качестве пожалований государством.

Однако в отличие от стран Востока земли мелких собственников не могли быть пожалованы частным лицам. Лишь земли, некогда находившиеся в собственности государства, а затем отданные феодалам — прониарам, по прошествии определенного срока могли быть отобраны и переданы в другие руки. Доменная собственность императоров в период развитого феодализма не достигала крупных масштабов и ограничивалась удовлетворением нужд императора и двора. Государство вмешивалось в экономическую жизнь страны прежде всего через посредство фиска, но не занималось, как в азиатских обществах, ее прямым управлением, «экономическим главнокомандованием», которое все больше и больше сосредоточивалось в руках феодалов²⁶.

Условная поземельная собственность в Византии, хотя и существовала, однако не получила такого распространения, как на Западе, и имела свои специфические черты. Важная социальная роль, которую играла частная собственность на землю, в какой-то мере унаследованная от поздней Римской империи, отличала Византию и от Запада и от Востока. Иерархическая структура земельной собственности, нашедшая столь законченное воплощение в феодальном землевладении Западной Европы, в Византии складывалась медленными темпами. Коренные изменения произошли лишь в XII в., когда наряду с другими видами собственности довольно широкое распространение получают такие формы условного землевладения, как прония, близкая к западноевропейскому бенефицию, и гоникон, пожалование земли в наследственное владение при условии несения феодалом определенной службы в пользу государства. Прония, как и бенефиций, была связана с пожалованием права на временное владение землей, на взимание налога и на эксплуатацию крестьян. Обычно прония давалась на срок жизни императора, жаловавшего пронию, или на срок жизни прониара. Пожалование вешних прав на землю было существенным компонентом пронии, отличавшим ее от таких восточных институтов, как икта, тимар, джагир, которые юридически являлись пожалованием налога и только в дальнейшем фактически превратились в земельную собственность²⁷.

²⁵ А. П. Каждан отождествляет земли фиска и императорские домены (А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 129—130), а М. Я. Сюзюмов проводит между ними различие (М. Я. Сюзюмов. Рецензия на: А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. «Византийский временник». Вып. XXI, 1962, стр. 214. Ср. Г. Г. Литаврин. Указ. соч., стр. 74).

²⁶ Н. Antoniadis-Bibicou. Op. cit., pp. 50—52.

²⁷ На этом особенно настаивает Г. А. Острогорский. G. Ostrogorski. Pour l'histoire de la féodalité byzantine..., pp. 28—54; e jus d. Die Pronoia unter den Komnenen, S. 41—54; e jus d. Observations on the Aristocracy in Byzantium. «Dumbarton Oaks Papers», № 25, 1971, p. II, p. 36. Свою точку зрения о том, что прония с момента ее возникновения являлась земельным пожалованием, Г. А. Острогорский отстаивал и на XIII Международном конгрессе исторических наук в Москве в 1970 г. См. З. В. Удаль-

Можно наметить существенные различия между странами Западной Европы и Византией в характере власти феодалов и их иммунитетных прав. На Западе, как известно, четко прослеживается связь крупной земельной собственности с теми или иными формами политической власти, основанной на частнопровольных отношениях (вотчинные суды, иммунитеты, тюрьмы, полицейские силы). В Византии такой важный институт феодального общества, как иммунитет, принял своеобразную форму так называемой *экскуссии*. Его основные отличия обуславливались спецификой форм землевладения в империи и тем, что он формировался в условиях централизованного государства. В системе иммунитетных привилегий в Византии доминирующую роль играли податные привилегии, а не судебные и административные, как на Западе. Податный иммунитет был генетически связан с разветвленной системой налогов в империи. Незрелость административного иммунитета проявлялась в регулярном допуске государственных чиновников на территорию импуниста для составления поземельных описей. Это препятствовало формированию частного фискально-административного аппарата помеществ и задерживало развитие частных форм внеэкономического принуждения²⁸.

Вассально-ленная система долго оставалась в Византии сравнительно неразвитой: феодальные дружины выступали здесь чаще как свита, а не как вассалы, связанные со своим сеньором личными узами. В отличие от стран Западной Европы византийские дружины — *этерии* не были постоянно действующим узаконенным институтом феодального общества. *Этерии* хотя и обладали политическим и военным потенциалом и играли важную роль при смене императоров на престоле и в борьбе различных феодальных кланов, но в Византии на основе *этерий* все же не сложилось особое служилое сословие, подобное западноевропейскому рыцарству²⁹. Многоступенчатая феодальная иерархическая лестница в Византии так и не создалась, что было закономерно при наличии в империи сравнительно сильной центральной власти и развитой бюрократии.

В отличие от большинства стран Западной Европы, где в период развитого феодализма отмечается относительная слабость общины-марки, в Византии и в эту эпоху общинные традиции и внутренняя консолидация общины оставались достаточно крепкими. Участие в коллективном использовании общинных угодий, общность хозяйственных интересов, взаимная связь и взаимная помощь, усиленные глубоким проникновением в жизнь деревни общинных традиций — все это способствовало объединению и упорочению спаянности односельчан. Община оставалась деятельным, сплоченным и сильным коллективом — это обстоятельство

цова. Генезис и типология феодализма, стр. 24. Эти выводы поддерживает и К. В. Хвостова. К. В. Хвостова. О некоторых особенностях византийской прониции. «Византийский временник». Вып. XXV, 1964. Однако в византиноведческой науке существует иная трактовка института прониции. По мнению некоторых ученых, при значительном распространении централизованной ренты в Византии прониция первоначально была связана не столько с передачей феодалу земельного владения, сколько с предоставлением ему права сбора в свою пользу определенной квоты налогов. А. П. Каждан. Формы условной собственности в Византии. X—XII вв. Доклад на 25-м Международном конгрессе востоковедов в Москве. М. 1960; H. Glykatzis-Ahrweiler. La concession des droits incorporels. Donations conditionnelles. «Actes du XIIe Congrès International d'Etudes byzantines». Vol. II. Beograd. 1967.

²⁸ Г. А. Острогорский. К истории иммунитета в Византии, стр. 95 сл.; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М. 1960, стр. 231 сл.; А. П. Каждан. Экскуссия и экскуссаты в Византии X—XII вв. «Византийские очерки». М. 1961; З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 184—188.

²⁹ Н. С. Веск. *Op. cit.* S. 26 f. Г. А. Острогорский полагает, однако, что феодальная иерархия в Византии достигла значительно большей степени развития, чем до сих пор было принято считать. G. Ostrogorsky. Observations on the Aristocracy in Byzantium, pp. 14—17.

имело значение определяющего типологического признака, отличавшего византийскую общину от общин-марок ряда стран Западной Европы.

Известная стойкость общины создавалась веками упорной борьбы как с натиском феодализирующейся знати, так и с постоянным нажимом государства. Наступление господствующего класса на общину приобрело в Византии характер двуединого процесса. Прежде всего община подвергалась постоянному централизованному воздействию со стороны государства. С целью подчинения свободного крестьянства Византийское государство ввело систему коллективной податной ответственности и практику изъятия выморочных и заброшенных общинных земель. Кроме того, оно осуществляло ряд специальных законодательных мер, направленных на ограничение прав крестьян распоряжаться своей землей. Тем самым государство пыталось, по сути дела, прикрепить свободное крестьянство к земле, хотя полного закрепощения и официального акта о прикреплении крестьян Византия не знала. Но хотя община платила государственные налоги, она сохранила определенную самостоятельность и отнюдь не превратилась в податную общину восточного типа, всецело подчиненную государству³⁰. Обороняясь от натиска государства, община попадала в зависимость от феодалов. В пределах общинных земель все интенсивнее внедрялось крупное феодальное землевладение, а свободные общинники превращались постепенно в феодально зависимых крестьян.

Однако глубокое проникновение в жизнь византийской деревни общинных традиций приводило к тому, что даже в условиях феодального закрепощения, подчинения общины и превращения общинников в частновладельческих крестьян общинные порядки в зависимой деревне нередко продолжали сохраняться. Разумеется, в различных областях империи сохранение общинных традиций было неравномерным. В некоторых областях империи, особенно в ее горных районах, община продолжала существовать вплоть до турецкого завоевания Византии.

В силу своеобразия генезиса феодализма и исторических судеб Византийского государства класс зависимого крестьянства имел здесь некоторые особые черты, выделявшие его среди других непосредственных производителей в Западной Европе. В отличие от стран Запада, где сравнительно рано кристаллизовался как преобладающий единый класс мелких крестьян-держателей, находившихся в различной степени поземельной, личной и судебной зависимости от феодала, в Византии формирование феодально-зависимого крестьянства, как монолитного единого класса, несколько затянулось. Здесь и в период развитого феодализма сохранялись многочисленные градации в уровне зависимости крестьян. Среди различных категорий византийского крестьянства этого времени можно отметить категории зависимых людей, унаследованные от прошлого и генетически восходящие то к рабам (дулевы и дулопарики), то к государственным крестьянам-димосиариям, то к свободным крестьянам-общинникам.

Типологической особенностью византийского крестьянства в период развитого феодализма по-прежнему остается наличие прослойки государственных париков. Это явление, как известно, почти совершенно не было свойственно странам Западной Европы. В литературе ведутся постоянные споры о статусе государственных крестьян в Византии. Одни исследователи полагают, что основная масса крестьян-общинников в период развитого феодализма находилась в зависимости от государства и представляла собой многочисленную категорию государственных крестьян. К государственным крестьянам эти исследователи причисляют не только париков, живших в доменах императора и на землях фиска, но

³⁰ А. П. К а ж д а н. Деревня и город в Византии. IX—X вв., стр. 419 сл.

и сельское население свободных общин³¹. Государственные парики, согласно этой концепции, платили государству взносы, в которых были неразрывно слиты феодальная рента и государственные налоги³². Согласно другой точке зрения, крестьяне-общинники оставались лично свободными и были лишь подданными государства. Уплачиваемые ими взносы являлись государственным налогом, но не феодальной рентой. К государственным парикам сторонники этой теории относят лишь сельское население, жившее на землях короны и фиска³³. Эта спорная проблема нуждается в дальнейшем изучении.

Вместе с тем можно выделить особую и весьма многочисленную категорию сельского населения Византии — крестьян-присельников, превращавшихся постепенно в феодально зависимых париков. Это объясняется тем, что значительное распространение в Византии приобрел тот путь возникновения феодальной зависимости, при котором подчинению крестьян предшествовало их обезземеление и отрыв от общины, в результате чего крестьяне, лишившись общинных прав, покидали родные деревни. В поисках средств к существованию эти крестьяне обычно в качестве присельников оседали в поместьях византийских династов, где превращались в зависимых париков.

И хотя с XII в. в византийском крестьянстве преобладающей стала категория частновладельческих крестьян-париков, тенденция к нивелировке в положении крестьян полностью возобладала лишь в период поздневизантийского феодализма, когда зависимое крестьянство становится сравнительно однородным³⁴. В Западной Европе, как известно, почти повсеместно преобладал частновладельческий, негосударственный тип эксплуатации крестьян в форме получения от них феодальной ренты (разных видов) с помощью частновладельческих же средств принуждения.

В отличие от Запада наряду с частнопредваренной рентой в Византии сохранялась публичноправовая рента. Рента разных типов взималась с крестьян не только с помощью частновладельческих средств внеэкономического принуждения, но длительное время посредством государственной налоговой системы. Однако динамика развития шла в сторону увеличения удельного веса частнопредваренной феодальной ренты, особенно в поздний период. Сохранение ренты публичноправового характера, несмотря на постепенное ее сокращение, — одно из проявлений замедленности процесса феодализации в Византии. Оно отличало ее от феодального Запада, где доминировала частнопредваренная рента, и в известной мере сближало со странами Востока. Распространение в Византии этого типа ренты объяснялось существованием в империи устойчивой государственной власти и разветвленной налоговой системы. Византийские налоговые описи-практики составлялись государственными чиновниками, в то время как на Западе это было делом самих землевладельцев-феодалов³⁵.

³¹ G. Ostrogorski. Quelques problèmes d'histoire de la paysannerie byzantine..., p. 11 etc.

³² А. П. Каждан. К вопросу об особенностях феодальной собственности в Византии, стр. 60; его же. Деревня и город в Византии. IX—X вв., стр. 419; К. А. Осипова. Аллиленгий в Византии в X в. «Византийский временник». Вып. XVII, 1960, стр. 31—35.

³³ М. Я. Сюзюмов. О характере и сущности византийской общины по Земледельческому закону, стр. 44; Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв., стр. 40—58.

³⁴ Так, например, к этому времени почти исчезают дулевты и дулопарики — категории крестьян, сохранявшие родимые пятна рабства. P. Charanis. On the Social Structure and Economic Organization of the Byzantine Empire in the XIIIth Century and later. «Byzantinoslavica», XII, 1951.

³⁵ К. В. Хвостова. Социологические модели, западные и восточные типы общественных отношений. «Общее и особенное в историческом развитии стран Востока». М. 1966, стр. 202—212.

В своих вотчинах византийские феодалы находились под известным контролем государственной власти, который выражался прежде всего в том, что государство требовало внесения с имений феодалов определенной нормы налогов. Для получения этой нормы податей государство могло воспрепятствовать феодалу освободить от налогов крестьян в частных имениях. Центральная власть регулировала с той же целью размеры взимаемой сеньором ренты с зависимых крестьян. Со временем этот контроль государства стал постепенно ослабевать. По мере развития феодализма в Византии значительно возрастает доля феодальной ренты, уплачиваемой крестьянами непосредственно своему сеньору, и сокращаются размеры централизованной ренты в пользу государства. Это все больше сближает Византию с Западной Европой и отдаляет от Востока, где прочно сохраняются централизованные формы эксплуатации.

Начало кризиса феодализма, хронологически совпавшее с последним периодом истории Византии, было ознаменовано повышением товарности вотчинного хозяйства феодалов, возрастанием удельного веса денежной ренты и появлением в деревне такой новой фигуры, как арендатор-предприниматель, который брал в долгосрочную аренду землю феодала и возделывал ее с помощью субарендаторов. В сфере аграрных отношений Византия в XV в. почти вплотную подошла к вызреванию предкапиталистических форм хозяйства, однако завоевание империи и падение Византийского государства задержали этот процесс.

По-особому складывались судьбы византийского города. Наивысшего расцвета византийские города достигли не в конце, а в начале истории Византии. Кривая их социально-экономической трансформации шла от состояния расцвета на заре византийской истории, через временное затухание их экономической активности в период генезиса феодализма к новому подъему в XI—XII веках, сменившемуся окончательным упадком в последние два века существования империи.

В ранний период Византия оставалась страной городов и обгоняла Запад по уровню развития ремесла и торговли³⁶. Природные условия Византийской империи весьма благоприятствовали процветанию городской экономики. Запасами полезных ископаемых Византия была богаче соседних стран. Изрезанность береговой линии, обилие удобных гаваней, господство над проливами, соединяющими Средиземное и Черное моря, способствовали развитию мореплавания и морской торговли. В течение всего раннего средневековья Византия оставалась великой морской державой. Ее жизненные интересы во многом были связаны с транзитной морской торговлей, а в защите от внешних врагов первостепенную роль играл военно-морской флот. Боевые галеры византийцев благодаря техническим усовершенствованиям, особенно изобретению греческого огня и косоного паруса, значительно превосходили суда многих других средневековых государств³⁷.

В течение всего периода генезиса феодализма важнейшим типологическим отличием Византии от большинства стран Западной Европы было сохранение в больших масштабах, чем на Западе, городов и интенсивной городской жизни³⁸. Деурбанизация, происшедшая в VII—

³⁶ Г. Л. Курбатов. Основные проблемы внутреннего развития византийского города в IV—VII вв. (конец античного города в Византии). Л. 1971; его же. Разложение античной городской собственности в Византии IV—VII вв. «Византийский временник». Вып. 35, 1973; С. Dietrich. Die byzantinische Stadt im VI. Jahrhundert. München. 1969.

³⁷ Н. Аhrweiler. Byzance et la Mer. P. 1966. Cp. H. Antoniadis-Bibicou. Etudes d'histoire maritime de Byzance. A propos du «Thème de Caravisiens». P. 1966.

³⁸ В научной византиноведческой литературе сравнительно долгое время оживленно дебатировался вопрос о том, имел ли место в Византии прямой континуитет античного и средневекового города, или между ними существовала цезура. Иными словами, спор идет о том, был ли византийский город прямым продолжением позднеантичного или новым феодальным общественным организмом. О теории непрерывного

начале IX в., ощущалась в Византии слабее, чем на Западе. В эпоху гезиса феодализма в Византии сохранялись крупные городские центры, унаследованные от античной эпохи, а также росли и новые средневековые города феодального типа. Они возникали как на месте разрушенных и пришедших в упадок античных городов, так и на вновь освоенных территориях. Постепенно менялся и внешний облик византийского города. При сохранении в основном стройной планировки, с ее прямыми улицами, богатыми общественными зданиями, домами античного типа, появляются средневековые укрепления-жилища, а административной единицей внутри города становится приход, группирующийся вокруг церкви. Интенсивное развитие городской экономики как типологическая особенность феодального общества имело место в Византии некоторое время и в период развитого феодализма. Подъем византийских городов, начавшийся в IX в., достиг апогея в XI—XII вв., причем охватил не только столицу, но отчасти и некоторые провинциальные городские центры. Византийское мореходство и торговля, несмотря на конкуренцию арабов и норманнов, все еще продолжали играть главенствующую роль в бассейне Средиземного моря.

Византийская империя и в этот период имела еще одну типологическую особенность, унаследованную от предшествующего времени и сохраненную до конца существования Византийского государства. Византия была страной, где среди всех городов доминировал один ведущий, могущественный и богатейший городской центр, столица государства — Константинополь. Огромный, хорошо укрепленный город, с многочисленным населением, украшенный великолепными дворцами и храмами, крупнейший морской порт Средиземноморья, куда стекались корабли из отдаленнейших стран мира, Константинополь никогда не терял своего экономического могущества. Город изнеженной праздности и неутомимого труда, средоточие неограниченной власти и арена социальных битв, город императоров, вельмож, чиновников и искусных городских ремесленников, религиозный центр православия и очаг античной культуры, город поразительных контрастов, он был, по словам К. Маркса, «главным центром роскоши и нищеты на всем Востоке и Западе»³⁹. Город-Левифан, он по своему политическому и экономическому значению, по своей роли в истории византийской культуры мог сравниться лишь с одним Римом. И, конечно, не с тем захолустным Римом, каким стал Вечный город в эпоху раннего средневековья, а с императорским Римом времен его расцвета.

Такое гипертрофированное развитие столицы империи, связанное с сохранением централизованного государства, имело свои положительные и отрицательные последствия для экономической жизни страны. С одной стороны, оно стимулировало рост ремесла и торговли как в самом Константинополе и его пригородах, так и в связанных со столицей городах Византии. Но с другой стороны, оно в какой-то степени подавляло

развития городов см. G. Ostrogorsky. Byzantine Cities in the Early Middle Ages. «Dumbarton Oaks Papers», № 13, 1959; V. Velkov. Das Schicksal der antiken Städte in den Ostbalkanländer (Vortrag). «Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universität zu Berlin». Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1963, № 7/8, S. 839—843; М. Я. Сюзюмов. Византийский город (середина VII—середина IX в.). «Византийский временник». Вып. XXVII, 1967. Об упадке городов, выразившемся в ухудшении техники ремесленного производства и сокращении денежного обращения, см.: А. П. Каждан. Византийские города в VII—XI вв. «Советская археология». Вып. XXI, 1954; его же. Деревня и город в Византии IX—X вв., стр. 260—273. Сторонниками этой концепции являются также Е. Кирстен (E. Kirsten. Die byzantinische Stadt. «Berichte zum XI. Intern. Byzantinischen Kongress». München. 1958) и Д. Закитинос (D. A. Zakythinos. Le despotat grec de Morée. T. I. P. 1937; t. II. Athènes, 1953). О дискуссии по проблемам истории города см.: З. В. Удальцова. Советское византиноведение за 50 лет, стр. 200—215.

³⁹ «Архив Маркса и Энгельса». Т. V, стр. 193.

внутренний экономический рост провинциальных городских центров Византийской державы. Между Константинополем и другими городскими центрами никогда не утихали острая конкурентная борьба и постоянное соперничество в экономической сфере. Начавшийся в XII в. процесс перемещения экономической активности из столицы в провинциальные города империи так и не получил своего завершения. В поздней Византии Константинополь по-прежнему остается главным средоточием экономической и политической жизни страны, хотя наряду с ним все большее и большее значение приобретают и некоторые провинциальные городские центры⁴⁰.

Для истории византийских городов характерна еще одна весьма важная особенность — наличие значительного контраста в экономической жизни не только столицы и провинциальных центров, но и городов, расположенных в приморской полосе и во внутренних областях империи. Прибрежные города, связанные с морской торговлей, как правило, развивались интенсивнее городов центральных районов Балкан и Малой Азии, где они зачастую выполняли прежде всего роль военных укреплений, административных и религиозных центров и лишь во вторую очередь — центров ремесла и торговли⁴¹.

С конца XII столетия Византия теряет, однако, свое былое экономическое превосходство над другими европейскими странами. С этого времени экономическое преобладание переходит, притом безвозвратно, к государствам Западной Европы. И, пожалуй, решающую роль в этом сыграли различия в судьбах византийских и западноевропейских городов. Именно с этого момента пути общественного развития городов Византии и Западной Европы окончательно разошлись. В Западной Европе рост городских центров и создание качественно новой городской экономики породили кардинальные сдвиги во всей социально-экономической жизни феодального общества. В Византии же новый расцвет городов оказался недолговечным, он не привел к качественному скачку в экономике и не обусловил коренной перестройки социально-экономической жизни феодального общества.

Причины столь своеобразного исторического пути византийского города таились в общественных отношениях, длительное время существовавших в Византии. То наследие, которое Византия получила от поздней Римской империи и которое не было полностью разрушено во время кризиса VII в., как это ни парадоксально, сперва было мощным стимулом расцвета городов и помогало в эпоху раннего средневековья сохранению их экономического превосходства над городами Западной Европы. Так, унаследованные от античности и в какой-то мере сохранные в Византии традиции ремесленного производства, его высокая техника, секреты и навыки мастерства ремесленников в этот период давали византийскому городу весьма немаловажные преимущества по сравнению с городами других стран Европы. Государственная регламентация при наличии сильной централизованной власти до известного времени помогала расцвету городского ремесла и торговли. Поддержка государства обеспечивала торговую монополию цехов, защиту ремесленных корпораций от конкуренции внецехового ремесла, обилие богатых заказов императорской семьи и двора, армии, константинопольской знати, безопасность в городах и на морских и сухопутных путях в империи. Эти же факторы в новых хозяйственных условиях превратились из стимула в тормоз прогрес-

⁴⁰ И. П. Медведев. Мистра. Очерки истории и культуры поздневизантийского города. Л. 1973; С. П. Карпов. Трапезундская империя в византийской исторической литературе XIII—XV вв. «Византийский временник». Вып. 35, 1973; V. Hrochová. Byzantická města ve 13—15 století. Příspěvek k sídelní topografii středověkého Recka. Praha. 1967.

⁴¹ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов. «Византийский временник». Вып. XI, 1956.

сивного экономического развития городов. Устойчивость античных традиций в структуре и организации ремесленного производства мешала введению технических новшеств, а главное — переходу к новой мануфактурной стадии развития. В то время как на Западе разложение цеховой строя было связано с переходом к высшей ступени организации производства, в Византии корпоративное устройство стало разлагаться, когда еще не сложились условия для появления мануфактур⁴².

Ремесло в городах поздней Византии так и не достигло мануфактурной стадии своего развития. В то время как на Западе, особенно в Италии и Нидерландах, наступил период расцвета мануфактур, в Византии ремесленное производство зачахло и оказалось неспособным выдержать конкуренции итальянских городов-республик. Точно так же и государственная опека над развитием ремесла и торговли из поддержки превратилась в преграду качественного прогресса византийского ремесленного производства. Государственная помощь покупалась дорогой ценой потери торгово-ремесленными корпорациями самостоятельности и инициативы. Возращенное в тепличном климате исключительной привилегированности, византийское ремесло, потеряв в поздней Византии поддержку государства, не обнаружило достаточной внутренней жизнеспособности, чтобы устоять и перейти на более высокую стадию развития⁴³. В последний период своего существования Византия потеряла также свою былую монополию в посреднической торговле между Востоком и Западом. Ключевые позиции в международной торговле в это время захватили итальянские коммерсанты, оставив на долю греческих купцов розничную торговлю в Константинополе и внутри страны⁴⁴.

В поздней Византии городское торгово-ремесленное население так и не консолидировалось в сплоченное и влиятельное сословие горожан, которое могло бы противостоять наступлению феодалов. Иная картина в эти же столетия наблюдалась в Западной Европе. Западноевропейские цехи, возникнув позднее, чем византийские корпорации, развивались более интенсивно и не только стимулировали подъем ремесла и торговли, но и помогали политическому сплочению торгово-ремесленного населения городов. А с ростом богатства и политического влияния горожан на Западе расцвели городские коммуны. Они не только упорно боролись с феодалами за свои вольности, но и добились освобождения многих городов от власти феодальных сеньоров. Ростки раннекапиталистических отношений, едва пробивавшиеся в экономике Византии, так и не достигли расцвета и были окончательно смяты в ходе турецкого завоевания империи. Византийские города не превратились в такую же решающую силу прогрессивного развития общества, как города Западной Европы. На Западе же именно развитие городов привело к кардинальным сдвигам в социально-экономической жизни общества, а позднее — к зарождению

⁴² И. П. Медведев. Проблема мануфактуры в трудах классиков марксизма-ленинизма и вопрос о так называемой византийской мануфактуре. «В. И. Ленин и проблемы истории». Л. 1970; Г. Л. Курбатов, В. И. Рутенбург. Зилоты и чомпи. «Византийский вестник». Вып. 30, 1969, стр. 7—10. Иного мнения придерживаются М. Я. Сюзюмов и В. А. Сметанин. Они полагают, что в поздней Византии существовала рассеянная мануфактура на базе итальянской торговли: В. А. Сметанин. О некоторых аспектах социально-экономической структуры поздневизантийского города. «Античная древность и средние века». Вып. 8. Свердловск. 1972.

⁴³ З. В. Удальцова. Свообразие общественного развития Византийской империи. Место Византии во всемирной истории. «История Византии». Т. III. М. 1957, стр. 309—311. О корпорациях в поздней Византии см.: P. Chaganis. *Op. cit.*, pp. 73—77; E. Francès. La disparition des corporations byzantines. «Actes du XIe Congrès International d'Etudes byzantines». Beograd, pp. 93—101.

⁴⁴ М. М. Шитиков. Константинополь и венецианская торговля в первой половине XV в. по данным книги счетов Джакомо Бадозера. «Византийский вестник». Вып. 30, 1969; K. P. Matschke. Zum Charakter des byzantinischen Schwarzmeerhandels in 13. bis 15. Jahrhundert. «Wissenschaftliche Zeitschrift. Gesellsch. und Sprachwiss. Reihe. Karl-Marx-Universität Leipzig», 1970, Hf. 3.

в наиболее передовых странах того времени (Италия и Нидерланды) раннекапиталистических отношений.

Чрезвычайно важное значение для определения типологических особенностей того или иного региона феодального мира имеет рассмотрение проблемы взаимоотношений между городом и деревней. В динамике феодального общества эти отношения играли первостепенную роль. К. Маркс подчеркивал, что во взаимоотношениях между городом и деревней нашел выражение основной закон диалектики — закон единства и борьбы противоположностей. По мысли К. Маркса, вся экономическая история общества преломляется в борьбе этих полюсов⁴⁵. В типологии византийского феодализма взаимоотношения города и деревни также занимают видное место.

Феодальная Европа раннего средневековья, как известно, выросла из деревни, и в этот период в большинстве стран Западной Европы город был в значительной степени отделен от сельской округи. На место своеобразного единства города и деревни в античном мире в средние века приходит резко выраженная противоположность между ними. Постепенно город и деревня превращаются в почти замкнутые полюсы феодального общества. Все раннее средневековье на Западе отмечено натурализацией экономической жизни и явным преобладанием деревни над городом. Города на Западе с самого начала во многом противостоят феодальной системе, хотя одновременно и являясь необходимым и существенным элементом феодального строя. В период классического средневековья деревня и город как бы меняются ролями. Именно к городам переходит роль движущей силы в прогрессивном социально-экономическом развитии общества. Позднее постепенно преодолевается замкнутость города и деревни, что в итоге создает предпосылки перехода к капиталистическому способу производства в передовых странах Западной Европы.

По-иному складывались взаимоотношения города и деревни в Византии. В ранней Византии вплоть до VII в. город явно доминирует над деревней. Разложение античного полиса происходит в Византии гораздо более медленными темпами, чем на Западе. Экономические связи между городом и деревней были здесь значительно более прочными и сохранялись длительное время. Общественное разделение труда в ранней Византии уже зашло достаточно далеко. Города не только играли первостепенную хозяйственную роль в экономической жизни страны, но и имели прямые связи с сельской округой. Все это стимулировало развитие товарно-денежных отношений и внутреннего рынка⁴⁶. В VII — первой половине IX в. картина меняется. В связи с упадком городов растет натурализация хозяйства и преобладание временного перехода к деревне. Однако сравнительно скоро наступает новый подъем городской жизни, продолжающийся, как мы видели, до середины XII века. Ни в период временного упадка городов, ни позднее в Византии не ощущается полной поляризации города и деревни. Выросшие на новой основе феодальные города сохраняют и упрочивают свои связи с сельской округой.

Характерной типологической особенностью Византии в период генезиса и развития феодализма является выдающаяся роль в экономической жизни пригородов крупных городов. Крупные городские центры в Византии постоянно поддерживали экономические, торговые, военно-административные связи с пригородами. В отличие от городов-республик Италии в Византии не существовало правового различия в положении населения городов и пригородов. В пригородных имениях-проастинах ремесленное производство, связанное с городским рынком, теснейшим об-

⁴⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 365.

⁴⁶ Г. Л. Курбатов. Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.).

разом переплеталось с сельским хозяйством⁴⁷. Но в отличие от Запада динамика развития продолжала идти в сторону преобладания деревни над городом. В период поздневизантийского феодализма это преобладание делалось все более полным. В поздней Византии в отличие от Запада города так и не достигли доминирующего положения в экономической жизни страны. Преобладание явно сохранилось за деревней. Процесс зарождения новых экономических отношений в городах так и остался незавершенным. Ростки капитализма в Византии появлялись скорее в деревне, чем в городе. Византийские светские и духовные феодалы активно проникали в города, захватывали городскую собственность, вмешивались в ремесленное производство и торговлю, препятствовали экономической и политической консолидации горожан. Именно поэтому Византия остановилась у порога раннекапиталистического общества, никогда не переступив этот рубеж⁴⁸. В этом состоит также одно из важных типологических отличий Византии от стран Западной Европы.

В социальной структуре византийского общества также наблюдались существенные типологические отличия от стран Западной Европы и Востока. На Западе в эпоху классического средневековья специфической чертой социальной стратиграфии являлся сословно-корпоративный характер общества с большей или меньшей выраженностью сословных градаций. В жизни средневековой Европы все большее значение приобретали сословные привилегии; сословия превращались в замкнутые социальные ячейки общества, в городах широкое распространение получили цеховые корпоративные организации.

В Византии на состав и характер господствующего класса оказали решающее влияние три основные типологические особенности социально-экономического развития византийского общества. Важнейшей из них было наличие сильной государственной власти, императора и императорского двора и гипертрофированная роль столицы в экономике и политике страны. Это предопределило большое место, которое занимала константинопольская знать и высшее чиновничество в структуре господствующего класса империи. Вторая типологическая особенность византийского феодализма — выдающаяся роль в жизни империи городов и товарно-денежных отношений — привела к тому, что торгово-ремесленная верхушка византийских городов, в первую очередь Константинополя, также стала важной составной частью господствующего класса.

Византийское правительство нередко опиралось на константинопольскую чиновную аристократию, которая сама постоянно нуждалась в поддержке императора и двора. Доходы от централизованной ренты, высокое жалованье, щедрые раздачи и подарки императоров, прибыли от торгово-ремесленной деятельности обеспечивали экономическое и политическое могущество, известную сплоченность и привилегии столичной знати. Богатая торгово-ремесленная верхушка городов — купцы, владельцы ремесленных мастерских, навклеры — владельцы торговых кораблей — обычно тяготели к константинопольской знати и находились в орбите ее политического влияния. Столичная чиновная знать в Византии, однако, не превратилась в замкнутое сословие, и представители богатых торгово-ремесленных кругов зачастую пополняли ее ряды⁴⁹. Третья типологическая особенность византийского феодализма — незавершен-

⁴⁷ М. Я. Сюзюмов. Экономика пригородов византийских крупных городов; его же. Роль городов-эмпориев в ранней Византии. «Византийский временник». Вып. VIII, 1956.

⁴⁸ Ж. Эллиоль без достаточных оснований утверждает, что в поздней Византии существовали «крупные капиталисты», что звучит явной модернизацией (J. Ellul. Histoire des institutions. T. I. P. 1955, p. 642).

⁴⁹ Н. G. Beck. Konstantinopel. Zur Sozialgeschichte einer frühmittelalterlichen Hauptstadt. «Byzantinische Zeitschrift», № 58, 1965; e j u s d. Senat und Volk von Konstantinopel. München, 1966.

ность развития вотчинно-сеньориального строя — обусловила относительную слабость византийской провинциальной землевладельческой знати по сравнению с независимыми феодальными магнатами средневекового Запада. В отличие от самовластных феодальных владетелей Европы византийским динамам так и не удалось расчленить империю на обособленные феодальные мирки.

Все сказанное отнюдь не исключает постоянной борьбы центробежных и центростремительных тенденций в Византийском государстве, усиливавшейся по мере его феодализации. Недаром вертикальная мобильность византийского общества преимущественно проявлялась в период генезиса феодализма. С конца же XI—XII вв. происходит явная аристократизация господствующего класса, появляются знатные семьи и наследственная аристократия⁵⁰. В этот период ослабевает вертикальная мобильность общества, утверждается принцип родовитости. Перелом в этом отношении начинается с Комнинов⁵¹, но аристократизация общества продолжается и при Палеологах.

В то время как на Западе произошло оформление основных сословий общества — духовенства, дворянства и третьего сословия, в Византии этот процесс хотя и начался, но так и остался незавершенным. Политическая история Византии наполнена постоянными столкновениями константинопольской чиновной знати с местными феодальными землевладельцами. Соперничество этих социальных группировок, их смена у власти — зерно всей борьбы внутри господствующего класса империи, принимавшей зачастую форму дворцовых переворотов, бунтов провинциальных феодалов или династических заговоров⁵².

Еще одной характерной особенностью господствующего класса империи являлась его нестабильность, отсутствие замкнутости византийской элиты⁵³. Как известно, в ряды константинопольской знати нередко вливались выходцы из торгово-ремесленной верхушки и средних слоев общества, богатые общинники становились крупными феодальными собственниками, чиновная бюрократия пополнялась людьми низкого происхождения. В значительно меньшей степени, чем на Западе, здесь наблюдалась сословная и корпоративная обособленность отдельных социальных группировок господствующего класса.

В отношении организации государственной власти, как известно, средневековая Европа не представляла собой какого-либо единства. Формы государственного устройства, существовавшие в странах Западной Европы, сильно варьировались. Эволюция государственных струк-

⁵⁰ А. П. Каждан. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии XI—XII вв. Предварительные выводы. «Byzantinische Zeitschrift», 66, 1973, S. 68.

⁵¹ А. П. Каждан. Об аристократизации византийского общества в VIII—XII вв. «Зборник радова. Византолошки институт». XI. Београд. 1968; его же. Загадка Комнинов (Опыт историографии). «Византийский временник». Вып. XXV, 1964; A. Höhlw e g. Beiträge zur Verwaltungsgeschichte des Oströmischen Reiches unter den Komnenen. «Miscellanea Byzantina Monacensia». Hf. I. München. 1965. Аристократизацию византийского общества, особенно при Палеологах, признает и американский ученый П. Харанис. Однако он считает, что рост династической собственности являлся результатом законодательной деятельности императоров, а не объективных социально-экономических процессов. Экономическое могущество византийской аристократии основывалось, по его мнению, главным образом на императорских земельных пожалованиях. P. Charanis. The Aristocracy of Byzantium. Studies in Roman Economic and Social History in Honor of A. Ch. Johnson. Princeton. 1951, p. 337 sq.

⁵² З. В. Удалцова. Своеобразие общественного развития Византийской империи, стр. 312.

⁵³ H. G. Beck. Konstantinopel, S. 13 f.; G. Weiss. Joannes Kantakuzenos — Aristocrat, Staatsmann, Kaiser und Mönch — in der Gesellschaftsentwicklung von Byzanz im 14. Jahrhundert. Wiesbaden. 1969, S. 54—60; А. П. Каждан. Характер, состав и эволюция господствующего класса в Византии, стр. 57; А. П. Каждан, М. А. Заборов. Гийом Тирский в составе господствующего класса в Византии (конец XI—XII вв.). «Византийский временник». Вып. 32, 1971, стр. 49—50.

тур шла от варварских государств через феодальную раздробленность, полную или частичную, к сословно-представительным монархиям централизованного типа (Англия, Франция, Испания, скандинавские страны) или к системе территориальных княжеств (Германия) и городов-государств (Италия). Византия же в течение всей своей тысячелетней истории по политической структуре представляла собой самодержавную монархию⁵⁴. Наибольшего расцвета государственная централизация достигла в ранней Византии, что представляло особенно яркий контраст с распавшейся на обособленные варварские королевства Западной Европой. Несколько ослабевшая в период генезиса феодализма централизация Византийского государства вновь упрочилась в эпоху классического средневековья. Именно в это время происходит кристаллизация всех форм государственности. Византия в эту эпоху была уже не мировой монархией, а средневековым феодальным государством, но с сильной центральной властью и разветвленным бюрократическим аппаратом⁵⁵. Разумеется, в истории Византии не раз обнаруживались тенденции к политическому разобщению страны. Особенно ощутимыми они были в последний период существования империи, но до самого конца государство ромеев оставалось централизованным.

В Византии господствовал теократический принцип императорской власти: власть василевса считалась божественной, она не была ограничена никакими условиями, никаким «общественным договором». Именно в Византии окончательно сложилось и получило теоретическое осмысление господствующее в средние века учение о монархическом государстве⁵⁶. Христианская церковь в Византии обосновала теорию божественного происхождения императорской власти, дав религиозную санкцию неограниченной христианской монархии. В теоретическом оформлении учения об автократии важную роль сыграло унаследованное от поздней Римской империи обожествление личности императора⁵⁷, а также философско-политические концепции абсолютной власти, воспринятые Византией от восточных народов.

В средневековой Византии, однако, еще долго сохранялись рудименты античных представлений о верховной власти в виде избрания василевса синклитом и войском и фикции его избрания городскими димами. Императорская власть не являлась привилегией того или иного аристократического рода и не передавалась по наследству. Теоретически беспредельная власть византийского государя нередко оказывалась фактически ограниченной, а самодержавные василевсы на деле были игрушкой в руках борющихся между собою социальных группировок. Со временем власть василевса, скванная торжественным этикетом и рутиной общественных традиций, как в теории, так и в жизни все больше отрывалась от общества, все выше поднималась над народом. Реальная же власть

⁵⁴ D. Zakythinos. *Etatisme byzantin et expérience hellénistique*. Melanges H. Grégoire. № 2. P. 1950; e j u s d. *Byzance et les peuples del'Europe du Sud-Est. La synthèse byzantine*. Actes du 1er Congrès International des études balkaniques et sud-est européennes. III. Sofia. 1969, pp. 12—13; j u s d *Etats—Sociétés—Cultures*. En guise d'introduction. «Art et société à Byzance sous les Paléologues». Venise. 1971; А. П. К а ж д а н. О социальной природе византийского самодержавия. «Народы Азии и Африки», 1966, № 6, стр. 52—54.

⁵⁵ H. Glykatzzi-Ahrweiler. *Récherches sur l'administration de l'Empire byzantin*, pp. 63—70.

⁵⁶ W. Ohnsorge. *Das Zweikaiserproblem im früheren Mittelalter. Die Bedeutung des byzantinischen Reiches für die Entwicklung der Staatsidee in Europa*. Hildesheim. 1947; F. Dölger. *Byzanz und die europäische Staatenwelt*. Ettal. 1953; O. Treitinger. *Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell*. Darmstadt. 1953.

⁵⁷ H. G. Beck. *Reichsidee und nationale Politik im spätbyzantinischen Staat*. «Byzantinische Zeitschrift», № 53, 1960, S. 86—94; И. П. М е д в е д е в. Империя и суверенитет в средние века (на примере истории Византии и некоторых сопредельных государств). «Проблемы истории международных отношений». Л. 1972, стр. 415—416.

василевсов все более сокращалась. Если в ранней Византии император в действительности был неограниченным правителем, то в поздневизантийский период василевсы сохранили лишь тень былого могущества. Таким образом, ни в одной сфере общественной жизни типологическое отличие Византии от Запада не бросается так явно в глаза, как в организации государственной власти.

Итак, наиболее существенными особенностями феодального строя в Византии являлось длительное сохранение в империи свободной крестьянской общины, наличие сильного государства и централизованных форм эксплуатации. Эти факторы замедляли развитие в Византии феодальной вотчины, полную кристаллизацию иерархической структуры земельной собственности и господствующего класса феодалов, обусловили своеобразие феодальных институтов в империи. Византийское крестьянство отличалось обилием имущественных и социальных градаций и сравнительно медленно консолидировалось в единый класс феодально зависимых людей. История византийского города отмечена процветанием городской экономики в ранний период и ее затуханием в последние столетия существования империи. В поздней Византии город не стал основной ячейкой развития новых, предкапиталистических отношений, а городское население не сумело противостоять власти феодалов и сплотиться в сильное сословие горожан. Все это отличало феодальный строй в Византии от «классических» форм феодализма, сложившихся в Западной Европе.

